

Л. Н. Толстой

Письма. (1901–1902)

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Л. Н. Толстой

Письма. (1901–1902) / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2011. – 424 с.

ISBN 978-5-4241-0754-2

ISBN 978-5-4241-0754-2

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

вания встретят широкую поддержку всего крестьянства. На данном историческом этапе, отмечал В. И. Ленин, «роль крестьянства, как класса, поставляющего борцов против абсолютизма и против пережитков крепостничества, на Западе уже сыграна, в России — еще нет»¹.

Своеобразные исторические условия России, где от гнета «докапиталистических учреждений» больше всего страдал мужик, где в первую очередь необходимо было уничтожить старую систему землевладения, изгнать помещика, коренным образом изменить жизнь деревни, «выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы»².

Русская буржуазно-демократическая революция сопровождалась крестьянским массовым движением. «Силу и слабость», «мощь и ограниченность» именно этого движения выразил гений русской литературы Лев Толстой. В эпоху, когда пролетариат превратился в решающую политическую силу и существовала революционная марксистская партия, Толстой оставался на патриархально-крестьянских позициях, отражая протест деревни, отданной на растерзание и барину-помещику и кулаку-богатею. Отсюда сложность и противоречивость его мировоззрения, непоследовательность суждений, сочетание «разума» и «предрассудка», сила обличения капиталистического и патриархального варварства, но также и незнание подлинных путей изменения жизни народа.

Толстой необычайно остро чувствовал свою ответственность перед народом, он стремился деятельно участвовать в его жизни и борьбе и мучительно искал способов избавления «миллионов земледельческого сословия» от рабства, тирании и нищеты.

Общий кризис всей социальной и государственной системы царской России, нарастание волны народного гнева, завершившееся революционным взрывом 1905 года, естественно обострили интерес Толстого к проблемам общественного переустройства, к освободительному движению. Идеиные искания писателя в эти годы, его размышления над вопросами исторического развития, его творческие планы и общественно-политические проекты были сосредоточены главным образом на про-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 221.

² Там же, т. 16, стр. 294.

блемах и задачах, непосредственно связанных с надвигающейся революционной грозой.

Художественные и публицистические произведения, Дневники и письма Толстого отражают его глубокую вражду к самодержавию, ко всему помещичье-капиталистическому строю, искреннюю озабоченность положением мужика, жажду изменения всей социальной системы. Но именно в эти годы, когда «барометр показывал бурю», предельно обнажаются острые противоречия идейной позиции Толстого, отразившие сложный и многообразный процесс революционного развития России. Со страниц писем встает перед нами облик гневного и смелого обличителя всех порядков Российской империи, но вместе с тем и решительного противника революционных методов борьбы, автора реакционной концепции, противопоставлявшей общественному перевороту моральное совершенствование личности.

* * *

«...В настоящее время, — писал В. И. Ленин в 1902 году, — взоры всякого честного человека, измученного созерцанием зверства и насилия, привлекает к себе новое могучее движение в народе, собирающее силы, чтобы смести с лица русской земли всякое зверство и осуществить лучшие идеалы человечества»¹.

К этому «новому могучему движению в народе» были прикованы взоры Толстого. Он пристально следил за всем тем, что происходило в стране, внимательно присматривался к различным формам проявления общественного протеста, его глубоко возмущали произвол и самоуправство «башибузуков царского правительства».

Еще с конца 90-х годов передовая общественность России была свидетелем мужественной и стойкой борьбы учащейся молодежи, встретившей сочувствие в различных слоях русского общества.

Толстой живо интересовался студенческим движением. В 1899 году, сразу же после нашумевшей всеобщей студенческой стачки, он начал писать статью «Студенческое движение 1899 года». По этой статье, а также дневниковым записям и

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 376.

письмам видно, что Толстой был на стороне той интеллигентной молодежи, которая не желала превратиться в верноподданных царских чиновников. Он рассматривал волнения молодежи как «показатель ненормальности всего хода русской жизни» и не мог оставаться безучастным, когда правительство «за учинение скопом беспорядков» издало приказ об отдаче 183 студентов в солдаты. «Мужественной, благородной, человеколюбивой деятельностью»¹ назвал Толстой поведение Л. Д. Вяземского, который пытался приостановить жандармскую расправу над петербургской студенческой демонстрацией. Толстой отозвался специальным письмом-приветствием в адрес Союза взаимопомощи русских писателей, выступившего с требованием открытого обсуждения в печати студенческого вопроса и протестом против петербургских событий 4 марта 1901 года. В своем приветствии Толстой выразил уверенность, что, «несмотря на насильственное закрытие Союза», его деятельность «не ослабнет, а окрепнет и продолжится в том же направлении свободы и просвещения»².

В апреле 1901 года был арестован и заключен в одиночную камеру нижегородской тюрьмы Максим Горький. Арест писателя возмутил Толстого и побудил его выступить против правительственных бесчинств и беззаконий. В своих письмах принцу Ольденбургскому и Святополк-Мирскому Толстой настойчиво требовал немедленного освобождения «даровитого, ценного в Европе писателя»³ и тем самым присоединился к широкому общественному движению в защиту Горького, которое вырвало его из царского застенка.

Разгул террора, лицемерные обещания реформ обнажили перед Толстым всю фальшь демагогической игры правящих кругов в демократию и парламентаризм. В этом смысле особое значение имело для него дело М. Новикова. Крестьянин М. Новиков, давнишний знакомый Толстого, был назначен представителем тульского уездного комитета, готовившего материалы для Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Это совещание, которое созывалось по инициативе министра финансов Витте, должно было видимостью каких-то правительственных мероприятий ослабить волну крестьян-

¹ Т. 73, стр. 49.

² Там же, стр. 59—60.

³ Там же, стр. 70.

ского возмущения. Новиков, воспользовавшись своим официальным положением, составил специальную докладную записку, в которой обрисовал тяготы мужицкой жизни и изложил самые насущные нужды тружеников земли. За свою записку, которая, по выражению Толстого, произвела на перепуганных «тульских консерваторов» такое же впечатление, как в свое время «Путешествие Радицева на Екатерину», Новиков был арестован. Опасаясь, что с ним поступят так же, как с Радицевым, Толстой обращается с просьбами о помощи арестованному к В. В. Стасову, А. Ф. Кони и, наконец, Витте. Во всех этих письмах звучит негодующий голос писателя. «Совестно жить в государстве, где могут делаться такие дела»¹, — писал он Кони. «Это такая мерзость вызвать людей высказывать свои мнения и потом ловить этих людей и сажать в одиночное заключение, если мнения эти не нравятся»², — так оценивал он случай с Новиковым. Даже в письме к Витте он недвусмысленно дал понять, что «пользование комитетами, как ловушкой для вызывания и подавления лучших сил крестьянства»³, может вызвать только всеобщее порицание и недоверие к «верхам».

Жестокость репрессий, массовые аресты знакомых и близких Толстому лиц (писателя С. Семенова, крестьянина А. Агеева за «богохульство», Г. Накашидзе, пытавшегося помешать зверскому избитию жандармами женщины на улице, Л. Сулержицкого за отказ от воинской повинности, В. Величкиной за принадлежность к РСДРП и др.), продолжавшиеся преследования духоборов, осуждение крестьян села Павловки за разгром церкви — все это усиливало протест Толстого против бесправия народа. Его старый конфликт с «разбойничьим царством» рос и углублялся. Поэтому так прислушивался писатель к доносившимся до него известиям о вспыхивавших в различных уголках страны «огоньках народного возмущения» (Ленин).

«Страшное правительственное сообщение о беспорядках», — записывает он в свой Дневник в связи с кровавым подавлением крестьянского восстания на Украине и тут же добавляет: «Хочется писать об этом»⁴.

¹ Т. 73, стр. 312.

² Там же, стр. 325.

³ Там же, стр. 314.

⁴ Т. 54, стр. 306.

Сильное впечатление произвела на Толстого свирепо подавленная карательными отрядами грандиозная ростовская стачка, сыгравшая серьезную роль в истории рабочего движения. «Нынче известие о побоище рабочих в Ростове, — сообщает он своей дочери Т. Л. Сухотиной. — Положение в России, не только глядя со стороны, но и для нас представляется всё более и более напряженным»¹.

Толстой отчетливо сознает, что в народе зреет решимость к борьбе, что положение царизма крайне непрочно. «Если бы больные неизлечимые чахоткой, раком знали свое положение и то, что их ожидает, они не могли бы жить. Так и наше правительство, если бы понимало значение всего совершающегося теперь в России, они — правительственные люди — не могли бы жить»², — пишет Толстой дочери Т. Л. Сухотиной.

Еще в 90-е годы Толстой не раз утверждал, что Россия находится накануне серьезных социальных потрясений, что «развязка» неминуемо приближается.

Теперь под влиянием сложившейся в стране обстановки проблема революции приобретает для Толстого особый интерес, хотя он и рассматривает ее часто с точки зрения отвлеченного гуманизма, извечных понятий «добра» и «зла».

Письма Толстого, поскольку в них отражаются его раздумья и искания, дают отчетливое представление о сложном отношении писателя к русской буржуазно-демократической революции, ко всему комплексу основных вопросов революционной эпохи в целом.

Знание народной жизни, ясное представление о действительном положении миллионов обездоленных, лишенных земли мужиков обусловили скептическое отношение Толстого к официальной версии о случайном характере «беспорядков», охвативших Российскую империю, вызванных якобы только «вредной» агитацией кучки «смутьянов».

«Я говорил в Гаспре с Л. Н-чем о беспорядках в Харьковской и Полтавской губ., — вспоминает А. Б. Гольденвейзер одну из своих бесед с Толстым. — Л. Н. рассказывал, как гр. Капнист передавал ему известный рассказ о переодетых студентах, якобы вызвавших всю смуту. Л. Н. сказал: это мало вероятно.

¹ Т. 73, стр. 332.

² Там же, стр. 233.

Это рассказывают консерваторы, чтобы найти виновников движения, причины которого гораздо глубже»¹.

Толстой понимал, насколько глубоки корни разраставшегося в стране общественного и в особенности крестьянского движения, ему было ясно, что никакими репрессиями, тюрьмами, каторжными приговорами, полицейской дубинкой и картечью его не приостановить. «Очень может быть, что теперь проявившееся волнение и будет подавлено. Но если теперь оно и будет подавлено, оно не может заглухнуть, а будет всё более и более развиваться в скрытом виде и неизбежно рано или поздно проявится с увеличенной силой и приведет еще худшие страдания и преступления»², — писал он.

У Толстого создалось непоколебимое убеждение, что «волнения» эти вызываются порочной и несправедливой системой земельных отношений, тиранией царя и помещика над нищим и замученным мужиком. Но, страшась этих «волнений», которые ему представлялись только жестоким и бесчеловечным кровопролитием, взаимным уничтожением «братьев», Толстой напряженно искал способов их предотвращения, устранения причин народного недовольства без революции. Он приходит к мысли попытаться убедить царя в необходимости произвести такие реформы, которые бы дали пострадавшему и бунтующему мужику то, что он стремится захватить силой.

Приводимые в настоящем томе письма к Николаю II и к великому князю Николаю Михайловичу, в которых Толстой излагает свое отношение к совершавшемуся в стране и формулирует свою социально-политическую программу, отражают всю противоречивость общественной позиции писателя.

Желание «поговорить с царем» обо всем происходящем возникло у Толстого еще в 1894 году, в первый год царствования Николая II. Тогда же в письме к Э. Кросби Толстой изложил свой предполагаемый разговор с царем: «Если бы новый царь спросил у меня, что бы я ему посоветовал сделать, я бы сказал ему: Употребите свою неограниченную власть на уничтожение земельной собственности в России и введите систему единого налога [Генри Джорджа], а затем откажитесь от власти

¹ А. Б. Гольденвейзер, Вблизи Толстого, т. 1, стр. 86

² Т. 34, стр. 239.

и дайте народу свободу управления»¹. Однако «дерзкая речь государя»², которой Николай II ознаменовал начало своего царствования, поразила и возмутила Толстого. «Бессмысленными мечтаниями» назвал новый российский самодержец весьма скромные надежды либеральных земцев на реформы, на малейшее ограничение самодержавия. И вместо письма к царю Толстой пишет гневную статью (названную им также «Бессмысленные мечтания»), в которой разоблачает реакционность политического курса нового царя и выступает против монархического принципа управления страной.

Но вскоре, крайне встревоженный развитием революционного движения, резким ухудшением положения широких народных масс, Толстой возвращается к мысли «поговорить с царем», обрисовать ему всю серьезность положения и указать пути выхода из наметившегося кризиса.

В марте 1901 года, «руководимый желанием истинного блага русскому народу», Толстой составляет обращение «Царю и его помощникам», в котором требует основательных социальных перемен, главным образом в положении крестьянства. Свое обращение он отправил царю, великим князьям, министрам и одновременно послал в Лондон В. Г. Черткову для опубликования в бесцензурной печати. Вопреки ожиданиям Толстого, его послание осталось без ответа, и ни одно из предложенных им мероприятий не было претворено в жизнь.

Под влиянием нарастающих грозных событий Толстой через год вторично обращается с письмом к царю, в котором требует решительного изменения всех существующих порядков, устранения причин, порождающих бедствия и недовольство широких масс.

Обращаясь непосредственно к Николаю II, в котором Толстой видел одного из главных виновников народных бедствий, писатель осуждает весь деспотический режим царской монархии. Толстой гневно обличает полицейски-бюрократические методы управления страной, политику террора и репрессий, проводимую правительством, открыто и прямо заявляет о «всеобщем недовольстве правительством всех сословий», о «враждебном отношении к нему»³.

¹ Т. 67, стр. 273.

² Т. 53, стр. 4.

³ Т. 73, стр. 185.

В своем письме Толстой выступает защитником интересов «земледельческого народа — тех 100 миллионов, на которых зиждется могущество России»¹, выдвигает перед царем программу удовлетворения самых неотложных нужд широких народных масс.

В системе взглядов писателя, с огромным сочувствием относившегося к страданиям ограбленного и порабощенного русского крестьянства, проблема справедливого распределения земли всегда занимала главенствующее место. С юношеских лет, когда он переживал свое «утро помещика», еще веря в возможность патриархального примирения господина и раба, вплоть до глубокой старости мысль писателя была прикована к этому жизненно важному для народа вопросу.

Теперь, в предреволюционные дни, раздумывая над причинами начавшихся «жестоких кровопролитий», Толстой приходит к твердому убеждению, что «корень зла» — в земле, незаконно отнятой у тружеников и ставшей достоянием привилегированного паразитического сословия дворян.

Поэтому в первую очередь Толстой требует от царя коренного изменения земельных отношений в стране. «Уничтожение земельной собственности и признание земли общим достоянием», — выражает «задушевное желание русского народа и осуществление чего он всё еще ожидает от русского правительства»², — утверждал Толстой.

Он проводит прямую аналогию между ситуацией 1861 года и нынешним положением в стране. По его мнению, земельный вопрос теперь приобрел такую же остроту, как в 1861 году освобождение крестьян от крепостного права. Он советует Николаю II предупредить вооруженный захват земли мужиками, передав ее народу особым правительственным рескриптом. Не видя всей утопичности этого предложения, Толстой в одном из писем даже конкретно обрисовал такую реформу, осуществленную «сверху». «Я очень легко могу себе представить, как по высочайшему повелению учреждается главное учреждение уничтожения земельной собственности и по губерниям — комитеты, которым поручена оценка земли и другие подробности»³.

¹ Т. 73, стр. 185.

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 229.

Причиной народного недовольства Толстой считал также отсталый монархический государственный строй. В своем письме он настойчиво проводит мысль о его ликвидации, о переходе к другим, более демократическим формам правления. «Самодержавие, — утверждает он, — есть форма правления отжившая... и потому поддерживать эту форму правления и связанное с нею православие можно только, как это и делается теперь, посредством всякого насилия»¹. В черновом варианте письма Толстой с еще большей четкостью аргументировал враждебность народа тиранической диктатуре грубой силы и единовластия: «Самодержавие не может быть в наше время свойственно никакому народу, потому что никакой народ не может любить того, чтобы над ним властвовали Иоанны IV с своими опричниками, Павлы с своими гатчинцами и т. п., или чтобы под прикрытием самодержавия властвовали над ним вчера Аракчеевы, завтра Победоносцевы и Сипягины»².

Отражая накипевшую у самых широких слоев населения ненависть к царизму, Толстой в письме подчеркивал отсутствие у огромного большинства народа каких бы то ни было монархических иллюзий. Он требовал от царя отказа от самодержавия, предоставления народу права открыто высказывать свои нужды и мнения.

Серьезное внимание уделено в письме также вопросу об уничтожении остатков крепостничества, сословного неравенства и тех «исключительных законов, которые ставят рабочий народ в положение пария, не пользующегося правами всех остальных граждан»³.

В своих обстоятельных письмах к Николаю II, так же как и в многочисленных публицистических статьях, Толстой «с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства»⁴. Отстаивая демократические требования русского крестьянства, Толстой сочувствовал только тому, что отвечало заветным желаниям «мужицкого народа». Освободиться от гнета самодержавия, получить достаточный надел земли, избавиться от помещика, земского

¹ Т. 73, стр. 187.

² Там же, стр. 193.

³ Там же, стр. 188.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 300.

начальника, от сохранивших до последнего времени свою власть следов феодального варварства — вот чего хотел русский крестьянин, когда он бунтами и восстаниями поддерживал передовых революционных борцов.

«...Вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравлении из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья», — этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение»¹, — писал Ленин, подчеркивая огромную значимость всенародного выступления против старого феодально-крепостнического порядка.

Толстой как художник и публицист с подлинной страстью и величайшим гневом обличал всю гнилоность и паразитизм помещичье-капиталистического строя. Он с потрясающей силой изображал бедствия и лишения русской деревни, беспощадно срывал «все и всяческие маски» с окружающей его общественной жизни, утверждал права крестьян на землю и свободу. Тем самым он объективно являлся участником общенародной борьбы. Но только до известного предела.

В то время как передовые силы держали курс на развертывание революции, убеждали массы, что только в результате свержения власти царя и разрушения крепостнического режима они смогут добиться осуществления своих чаяний и интересов, и звали на решительный штурм «вражьей силы» (Ленин), Толстой стремился предотвратить революционный способ разрешения тех задач, которые встали перед народом, избежать вооруженного столкновения.

Чрезвычайно характерна для Толстого запись в Дневнике, свидетельствующая о том, что писатель, постоянно общавшийся с деревенским людом, подчас усваивал непосредственность его мышления, присущую ему «незрелость мечтательности»².

«Кого вы усмиряете, — записал он воображаемый разговор мужика со своими угнетателями и поработителями. — Мы не бунтовщики, а просим только, чтобы нас, крестьян, перестали обижать, сравнивали с другими русскими жителями, чтобы нас не секли, не закабалили в работе, не отдавали нас во власть особых начальников, а взыскивали с нас по общим законам,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 397.

² Там же, т. 15, стр. 185.